

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Е. С. КУБРЯКОВА

ЯЗЫК И ЗНАНИЕ

НА ПУТИ ПОЛУЧЕНИЯ ЗНАНИЙ О ЯЗЫКЕ:
ЧАСТИ РЕЧИ С КОГНИТИВНОЙ
ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

РОЛЬ ЯЗЫКА
В ПОЗНАНИИ МИРА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 2004

ББК 81.031
К 88

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 02-04-16011

Кубрякова Е. С.

К 88 Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с. — (Язык. Семиотика. Культура).

ISSN 1727-1630
ISBN 5-94457-174-8

Собранные в настоящем томе публикации освещают принципы и установки той новой парадигмы знания в отечественной лингвистике, которая получила название когнитивно-дискурсивной, и показано, как органично вписывается в эту парадигму теория номинации. Здесь получают свое подробное описание те разнообразные связи, которые существуют между языковыми структурами и структурами знания, и предлагается анализ роли языка в познавательных процессах разного типа и обработке получаемой в результате этих процессов информации.

В книге рассматривается широкий круг проблем современной теории языка и уточняются многие ключевые понятия, относящиеся как к характеристике разных единиц системы языка (от частей речи до текста и дискурса), так и совокупности терминов, важных для когнитивного подхода к явлениям языка и описания последних в когнитивном плане.

Книга может рассматриваться как своеобразное введение в когнитивную лингвистику, особенно грамматику и словообразование. Издание рассчитано на аспирантов и специалистов в области общего языкознания.

ББК 81.031

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-94457-174-8

© Е. С. Кубрякова, 2004
© Языки славянской культуры, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
-------------------	---

Раздел первый

НА ПУТИ ПОЛУЧЕНИЯ ЗНАНИЙ О ЯЗЫКЕ: ЧАСТИ РЕЧИ С КОГНИТИВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ	29
----------------	----

ЧАСТЬ I.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НАСТОЯЩЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Глава первая.</i> Когнитивная парадигма научного знания и особенности когнитивного подхода к явлениям языка	41
<i>Глава вторая.</i> Когнитивизм и теория номинации	58
<i>Глава третья.</i> Язык и восприятие	76
<i>Глава четвертая.</i> Проблемы категоризации человеческого опыта	96

ЧАСТЬ II.

МАТЕРИАЛЫ К НОВОЙ ТЕОРИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

<i>Глава первая.</i> Из истории изучения частей речи (уроки прошлого)	115
<i>Глава вторая.</i> Новые направления в изучении частей речи (последние десятилетия)	132
<i>Глава третья.</i> Части речи в генеративной (универсальной) и эмерджентной грамматиках	152
<i>Глава четвертая.</i> Заключительные замечания о системе частей речи и новых аспектах в методике ее исследования	170

ЧАСТЬ III.

ОПИСАНИЕ СИСТЕМЫ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В КОГНИТИВНОМ ПЛАНЕ

<i>Глава первая.</i> Семантика и функции словообразовательных процессов как источник сведений о когнитивных основаниях частей речи	189
<i>Глава вторая.</i> Части речи как естественные прототипические категории и роль дискурсивных характеристик в их организации	210

<i>Глава третья.</i> Онтология мира и части речи: формирование когнитивных оснований системы	232
<i>Глава четвертая.</i> Противопоставление объектов их процессуальным и непроцессуальным признакам	252
<i>Заключение</i>	268
<i>Литература</i>	287

Раздел второй

РОЛЬ ЯЗЫКА В ПОЗНАНИИ МИРА

ЧАСТЬ I.

ПОЦЕССЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МИРА

<i>Глава первая.</i> Категории и концепты	305
<i>Глава вторая.</i> Теория номинации и проблемы категоризации мира	321
<i>Глава третья.</i> Процессы транспозиции в категоризации мира. Проблемы взаимодействия категорий	339

ЧАСТЬ II.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ХРАНЕНИЕ ЗНАНИЙ В ГОЛОВЕ ЧЕЛОВЕКА

<i>Глава первая.</i> О памяти	355
<i>Глава вторая.</i> О концептуальном анализе слова «память»	371
<i>Глава третья.</i> О ментальном лексиконе. Лексикон как компонент языковой способности человека	378

ЧАСТЬ III.

РОЛЬ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА В ОБРАБОТКЕ ЗНАНИЙ

<i>Глава первая.</i> Актуальные проблемы изучения словообразовательных систем славянских языков	390
<i>Глава вторая.</i> Когнитивные аспекты словообразования и связанные с ним правила инференции (семантического вывода)	405
<i>Глава третья.</i> Словообразование и другие сферы языковой системы в структуре номинативного акта	417
<i>Глава четвертая.</i> О разноструктурных единицах номинации и месте производного слова среди этих единиц	429
<i>Глава пятая.</i> Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования	439

ЧАСТЬ IV.

МИР И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ОПИСАНИЯ В ЯЗЫКЕ

<i>Глава первая.</i> Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы)	459
---	-----

<i>Глава вторая. О концепте «контейнера» и формах его объективации в языке</i>	<i>475</i>
<i>Глава третья. Возвращаясь к определению знака</i>	<i>492</i>
<i>Глава четвертая. О тексте и критериях его определения</i>	<i>505</i>
<i>Глава пятая. Дискурс: определение и направления в его исследовании</i>	<i>519</i>
<i>Литература</i>	<i>533</i>
<i>УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН</i>	<i>549</i>

Раздел первый

**НА ПУТИ ПОЛУЧЕНИЯ ЗНАНИЙ О ЯЗЫКЕ:
ЧАСТИ РЕЧИ С КОГНИТИВНОЙ
ТОЧКИ ЗРЕНИЯ**

ВВЕДЕНИЕ

Отраженная в названии раздела тема — части речи — отнюдь не является новой. Части речи изучаются уже не одно тысячелетие и входят в число тех фундаментальных понятий лингвистики, которые доказали свое право на существование длительным их использованием в описаниях разных языков и грамматиках разного типа, начиная от школьных и кончая академическими. Принадлежат к терминам, служащим для типологической характеристики языков и распределения материала в грамматиках и словарях, для отражения различий в семантике знаков разного типа и демонстрации различия поведения слов в составе высказываний и текста, части речи неоднократно привлекали к себе внимание лингвистов разных направлений и школ и продолжают исследоваться в разных аспектах и с разных точек зрения и в настоящее время. Они, безусловно, принадлежат к числу наиболее полно описанных разрядов слов, ибо в каждой грамматике и каждом словаре отдельно взятого языка должно быть принято какое-либо решение относительно числа и номенклатуры представленных в нем частей речи. Между тем вопрос о частях речи как особых категориях или классах слов, о границах этих классов и самих принципах их выделения, хотя и относится к числу вопросов, имеющих давнюю традицию их изучения, все же не принадлежит к числу решенных. К тому же едва ли найдется в современной грамматической теории какая-либо другая область исследования, в которой было бы представлено столько различающихся между собой мнений как по поводу критериальных свойств отдельных частей речи, так и по поводу оснований деления общей категории частей речи на ее составляющие. Принятые классификации слов подвергаются постоянным изменениям, постоянной критике, а схемы подобных классификаций обвиняются в непоследовательности, нелогичности и несоответствии реальному положению дел. «Распределяя слова по частям речи, — писал М. И. Стеблин-Каменский, — ... утверждая, что среди слов есть так называемые существительные, прилагательные, глаголы и т. д., мы примерно делаем то же самое, как если бы мы, суммируя то, что мы знаем об окружающих нас людях, сказали, что среди них есть блондины, есть математики, есть профессора, а есть и умные люди...» [Стеблин-Каменский 1974: 21]. Но ведь среди людей есть, действительно, и те, и другие, и третьи, а сами рубрики не так уж бессмысленны, да и классификация людей кажется необходимой...

Не вызывает сомнения, что и в языке существуют нетождественные классы слов, что они могут быть противопоставлены по разным основаниям: одни отличаются от других по своей семантике, другие — по своим функциям, третьи — по своему материальному облику и т. п. Ясны, по всей видимости, и те параметры, по которым слова могут быть противопоставлены друг другу. Неясно, однако, может ли быть отражено такое различие слов единой классификационной схемой, как не ясно и то, выбор каких именно признаков обеспечивает наиболее рациональную классификацию слов и можно ли предложить такую классификацию, которая была бы универсальной. Вся история изучения частей речи и представляет собой поиски в указанном направлении, а поскольку подобные поиски велись издавна и касались множества разноструктурных языков, опыт использования и объяснения частей речи в лингвистике стал фактически необозримым. Потребность в новом описании частей речи можно было бы по этой причине связать просто с необходимостью как-то обобщить и систематизировать существующие взгляды: накопив грандиозный опыт в указанной области и располагая множеством разумных взглядов на природу и сущность частей речи, ученые так и не подвели **итоги** всей этой работы, а сведения об истории изучения частей речи, сами по себе достаточно объемные, носят до сих пор фрагментарный характер и не сведены воедино.

За редким исключением не стали предметом изложения и те новые работы, которые появились в печати в последние десять-пятнадцать лет. Да и появление этих работ, выполненных в разном ключе и в рамках разных парадигм научного знания, сказывается в том, что само освещение новых публикаций по проблеме происходило от случая к случаю и не охватывало все разнообразие существующих точек зрения. И хотя мы уже пытались восполнить имеющиеся пробелы [ср.: Кубрякова 1990; Теория грамматики... 1990], в настоящей монографии нам представляется необходимым дать более компактное и более полное представление о тех **направлениях**, по которым шло изучение частей речи в прошлом, и особенно о тех, которые появились в последнее время и еще не являлись предметом критического анализа. И все же не история изучения частей речи как таковая интересует нас в данной монографии, и если мы отчасти ею и занимаемся, то только с одной целью — систематизировать те подходы, которые уже оправдали себя при исследовании частей речи и заложили тот фундамент, на основе которого может быть в будущем предложена новая теория частей речи или, вернее, теория, опирающаяся на оправдавшие себя традиционные взгляды, но уточненная и усовершенствованная под влиянием того нового, что знаменовало общий прогресс нашей науки.

«Проблема выделения частей речи в языках различного строя, — писал в середине 70-х гг. Б. А. Серебренников, — обычно считается одной из наиболее дискуссионных проблем общего языкознания» [Серебренников 1976: 16]. Можно было бы в этой связи, определяя далее задачи нашего исследования, считать необходи-

мым остановиться в нем специально на освещении тех и только тех проблем, которые, по мнению большинства ученых, еще входят в число нерешенных или же решенных бездоказательно. И, конечно, на многих таких дискуссионных проблемах мы специально остановимся. И все же далеко не все эти спорные решения привлекают наше внимание в дальнейшем изложении. Частично это объясняется тем, что нам более близки вопросы о **природе** частей речи, о самых общих основаниях их выделения и развития. Уже это заставляет нас отказаться от обращения к тем проблемам в изучении частей речи, которые обсуждались применительно к отдельно взятым языкам. Ср. например, полемику вокруг категории состояния в русском языке или вопрос о сателлитах как отдельной части речи в английском. В сущности для каждого развитого языка сложились определенные традиции рассмотрения его слов в терминах известного количества частей и частиц речи. На анализ таких спорных проблем в книге наложено ограничение. Оно отражено и в названии книги, и можно было бы считать, что именно этим — рассмотрением частей речи с когнитивной точки зрения — определяются ее новизна и ее границы; фактически, однако, дело обстоит несколько сложнее.

С одной стороны, для того, чтобы осуществить анализ частей речи в когнитивном плане, надо прежде всего разобраться в том, что такое когнитивная наука и какой подход в лингвистике мы называем когнитивным. Ведь и по этому поводу в современной науке высказано немало противоречивых суждений, и мы должны объяснить, какое содержание вкладываем мы в понятие когниции и в понятие когнитивного, или концептуального анализа частей речи. Уже это требует экспликации целого ряда используемых в книге понятий и процедур анализа. С другой стороны, утверждая, что лингвистическая наука сегодня частично перестраивается под влиянием нового понимания языка как когнитивного процесса и когнитивного явления, имеют в виду, что когнитивная наука затрагивает определенные сферы лингвистики и получает разные преломления и проявления при исследовании разных языковых феноменов: значения языковых единиц, их категоризации, их использования в актах номинации и т. п. Поскольку части речи так или иначе связаны со всеми этими феноменами, необходимо остановиться в книге и на том, что нового было привнесено когнитивным подходом в рассмотрение этих отдельных феноменов. Наконец, когнитивный подход сам существует в современной лингвистике как один из возможных, и для его оценки следует, по всей видимости, охарактеризовать хотя бы в общих чертах его преимущества перед другими подходами и — в то же время — его недостатки. Но для этого необходимо рассмотреть когнитивный подход на более широком фоне, ибо в анализе частей речи мы считаем в принципе обязательным учитывать не только собственно когнитивный взгляд на вещи. Теория частей речи, которую мы развиваем, исходит из понимания частей речи как когнитивных и дискурсивных образований и мы называем ее дискурсивно-когнитивной на основаниях, которые попытаемся раскрыть более подробно всем нашим изложением. Но с этой точки зрения ког-

нитивный аспект частей речи — это просто тот, который выбран здесь для более подробного и детального обоснования. Фактически же защищаемая нами концепция учитывает по мере возможности и другие достижения современной лингвистики (дискурсивный анализ, семантику синтаксиса, функциональную грамматику и т. д.).

Последнее нам кажется важным отметить особо, ибо на рубеже двух тысячелетий невольно возникает желание, с одной стороны, подвести вообще некоторые итоги достигнутому в нашей науке, а, с другой, опираясь на опыт прошлого, постараться определить возможные перспективные пути будущих исследований и наметить их общее направление. Иными словами, хочется знать, с чем подошла лингвистика к новому тысячелетию и что обусловит ее интересы к этому времени, что войдет в область ее предпосылочного знания и будет являться ее теоретическим фундаментом, определит систему ее исходных данных и перспективы будущих поисков.

В отличие от многих наук, отказывающихся на определенных этапах своего развития от прежних представлений о своих объектах и даже меняющих сами эти объекты в процессе научных революций, лингвистика всегда характеризовалась устремлениями к познанию такого объекта, как язык, и более устойчивым набором тех явлений, которые в ней старались понять и описать, более стабильным набором тех единиц и категорий, которые в ней неизменно изучались уже на протяжении длительного времени и которые постоянно служили предметом ее изысканий. Можно с полным на то основанием утверждать поэтому, что историей нашей науки и ее прогрессом двигали не только научные революции, не только «обнаружение новых реальностей», но и изменение взгляда на вещи и на аспекты этих вещей, требующих специального рассмотрения. Не меньшую роль, чем в других науках играли революции и **открытия**, здесь играло изменение точки зрения на объект, его помещение в более широкие или более узкие рамки, его рассмотрение в том или ином ракурсе. В сущности изменение именно в этом фокусе рассмотрения языка лежало и в основе смен парадигм научного знания о языке, где каждую такую парадигму объединяла принимаемая научным сообществом **точка зрения** на язык [Степанов 1985; Руденко 1990: 261–262; Серио 1993: 37–38; Кубрякова 1994]. Это понятие, выдвинутое Ю. С. Степановым в связи с обсуждением вопроса о применимости понятия парадигмы знания к эволюции лингвистической мысли, разъяснялось им в свете предложенного некогда Ч. Пирсом деления семиотики на семантику, прагматику и синтактику. Оно трактовалось как последовательное рассмотрение языка «поочередно по одной из... осей — сначала семантики, затем синтактики и, наконец, прагматики» [Степанов 1985: 5]. Хочется добавить к этому, что хотя язык, действительно, «как бы незаметно направляет теоретическую мысль» на указанные оси (а также, возможно, и на некоторые другие, что отчетливо проявляется в истории изучения частей речи — подробнее см. ниже), со временем меняется и само представление о каждой из этих

осей. К тому же интеграция данных, следующая за этапом отдельного рассмотрения «по осям», имеет место в разные периоды истории, осуществляется под эгидой разных наук, а все это способствует не просто накоплению разносторонних данных об объекте, но и более глубокому его познанию. В формировании подобного «интерпретативного аспекта знания» (Ю. С. Степанов) немаловажную роль играет именно то, с точки зрения какой научной дисциплины происходит обобщение знаний об объекте и какими новыми задачами, в ней ставящимися, мотивировано обращение к определенному аспекту изучаемого объекта. В настоящей работе мы стремимся показать, какой синтез знаний о частях речи возможен в настоящий момент и представляется плодотворным в рамках когнитивной науки.

В связи со сказанным кажется также необходимым отметить, что преобладание в развитии лингвистики поддерживается здесь не только за счет следования в анализе каким-либо из традиций прошлого или же приверженности определенному стилю мышления, но и за счет возвращения на новом витке истории к ее извечным проблемам. Целью такого возвращения становится тогда пересмотр и реинтерпретация накопленных данных с новых позиций, с новой точки зрения.

В одной из недавно вышедших историографических работ по лингвистике, в которой ставится задача осветить эволюцию лингвистических взглядов в XX веке, ее автор — Р. де Богранд — приходит к пессимистическим выводам относительно ее современного статуса: основанием для заключения о том, что лингвистика вступила в период стагнации, служит, по его мнению, с одной стороны, отказ от традиционных понятий лингвистики (таких, например, как слово), а, с другой — пренебрежение к тем проблемам, которые не могут потерять своей значимости. В качестве подобной проблемы им называется и вопрос о частях речи [Beaugrande 1991: 2 и 345]. Признавая критерии их выделения непоследовательными и неконструктивными, указывает автор, — специалисты все же продолжают использовать их в повседневной практике. Решению этой проблемы отдавали дань многие знаменитые языковеды, когда они пытались заменить прежнюю классификационную схему новой (Л. Ельмслев) или же внести существенные коррективы в существующую (Э. Сепир). Несмотря на это полной замены предложенных ранее критериев на другие не происходило, и с полным отказом от этого понятия в общем никто так и не согласился. В конечном счете, — отмечает Богранд, — в каждом конкретном языке причисление слова к существительным, прилагательным или глаголам представлялось, по всей видимости, разрешимой задачей. Ирония здесь заключается, однако, в том, что в таком направлении, как генеративная грамматика, где стремились к созданию грамматики формального типа, те, кто это делали и прежде всего Н. Хомский, полагались одновременно на наименее формализованные определения отдельных частей речи [Beaugrande 1991: 345–346].

Еще раньше мы тоже отмечали тот факт, что хотя в современных генеративных грамматиках понятие кардинальных частей речи широко используется во всех

видах формализованных записей, применяясь как в моделях порождения и восприятия речи, так и при описании лексикона и действия всех деривационных правил, рассматриваются они здесь как некие аксиоматические сущности и по существу без сколько-нибудь строгих правил отождествления. Здесь как бы молчаливо признают, что частеречные свойства всех единиц языка записаны в специальном лексиконе, откуда они и проецируются в высказывание, т. е. они как бы заданы заранее [Кубрякова 1990: 5, 6]. Но для того, чтобы представить данные о единицах в словаре, все равно нужна процедура установления их частеречных свойств. На каком, однако, основании одной единице приписывается в словаре примета «прилагательное», а другой — «существительное» (естественно, в тех языках, где об этом не свидетельствует морфологическое оформление единицы)? В ходе какого анализа была выявлена частеречная принадлежность лексемы? Какими соображениями руководствовались составители словаря? Если считать, что все такие пометы поданы в словаре правильно, почему признается все же, что признаки отдельных частей речи не вполне ясны, и авторы специального издания о частях речи в типологии языков справедливо подчеркивают «необходимость принятия той или иной точки зрения при описании конкретных языков требует разработки общей методики выделения частей речи» [Алпатов 1990: 3], что скептическое отношение к возможностям решить эту проблему вряд ли оправданно и что в то же время обычные указания типа «существительные обозначают предметы, глаголы обозначают действия и т. д., выглядят достаточно наивными» [Там же: 4].

Пытаясь ответить на эти и аналогичные им вопросы о сути частей речи и, таким образом, возвращаясь к тематике, интересовавшей нас и раньше [Кубрякова 1978], мы полагаем, что тематика эта отнюдь не потеряла своей актуальности и что, напротив, наступило время, когда в ее освещении можно попытаться сделать что-то новое. Более того. Чем разветвленное становится вся лингвистическая деятельность и чем сложнее оказываются запросы к лингвистике, тем настоятельнее представляется необходимость более адекватного описания частеречных свойств лексических единиц. Так, с развитием компьютерной техники и стремлением достичь больших успехов в разработке программ по автоматическому распознаванию текстов части речи стали объектом пристального внимания в работах прикладного характера [ср. Гарвин 1984; Шевенко 1990: 254]. Выявились, что имеет смысл ввести данные о частях речи в банк знаний.

Хорошо известно, что последние десятилетия были связаны в языкознании с расширением его эмпирической базы — в поле зрения лингвистов оказались огромные массивы новых языков, диалектов, разных функциональных вариантов языка и т. д. Проблемы частей речи встали во всей своей остроте применительно к редким или экзотическим языкам. На страницах специальных публикаций появилось немало интересных сведений о специфике тех или иных разрядов слов в отдельных языках. Все большую поддержку стало получать мнение о том, что в

мире нет таких языков, в которых отсутствовало бы противопоставление имен и глаголов. Но для того, чтобы объяснить эту ситуацию, а также обосновать саму правильность идеи обязательного противопоставления нескольких разрядов слов в каждом языке, нужны не столько новые эмпирические данные, сколько четкая договоренность о том, что же понимается под отдельной частью речи, отдельным классом слов и какое название при этом ему можно дать. Как правильно отметил Дж. Лайонз, рассматривая части речи, нередко смешивали две проблемы: одна из них касается определения условий, при которых можно считать, что данное слово принадлежит той или иной категории, другая — наименования этих категорий [Лайонз 1978: 159–160]. Естественно, что в первую очередь нас интересует именно первый вопрос, т. е. вопрос о том, каким требованиям должно отвечать рациональное распределение слов по классам и с какой целью производится такое распределение.

Поскольку ответ на этот вопрос, хотя и в самом общем виде, для нас ясен (разбиение слов по классам должно отразить особенности их использования и нетождественность их функций в дискурсе и тексте), как очевидна значимость разных формальных признаков нетождественности лексем, начиная от морфологических и словообразовательных примет и кончая дистрибутивными особенностями, самое трудное в определении частей речи кажется нам связанным все же с их содержательной характеристикой, и именно в этом отношении когнитивный подход обещает принести свои плоды.

Из этого последнего замечания вытекает, что главной причиной нового обращения к частям речи являются те кардинальные изменения в области теоретической лингвистики, которые наметились с середины 70-х гг. и которые обязывают осуществить пересмотр многих фундаментальных понятий с новых позиций и в новом свете. Конечно, в первую очередь речь идет о возникновении самого когнитивного подхода со всеми его стимулирующими идеями, ответвлениями, версиями и даже новыми направлениями в изучении языковых явлений (ср. прототипическую и фреймовую семантику). Хотелось бы вместе с тем подчеркнуть, что в описании и объяснении частей речи приходится использовать такие концепты и понятия современной лингвистики, которые сами получали разъяснение не только с когнитивной точки зрения, но и за рамками этого подхода, — прежде всего в коммуникативной или прагматической, или функциональной лингвистике. Без учета достижений этого направления нельзя сегодня говорить ни об интерпретации дискурса и текста, ни о функциях слова и его разнообразных модификациях в процессах словообразования и формообразования, ни о значениях языковых единиц и мотивах их вставления в синтаксические конструкции, ни о многом другом. А поскольку части речи существуют, будучи объективированными с помощью слов, языковых знаков, имеющих определенные фонологические, морфологические, деривационные и ономаσιологические структуры и служащих для организации высказывания и текста, а также поскольку словам свойственны оп-

ределенные синтаксические — позиционные, сочетаемостные, валентностные и пр. параметры, никакие описания частей речи не могут стать адекватными при некорректном использовании указанных понятий. Немудрено, что достижения в любой из областей лингвистики могут — прямо или косвенно — использоваться и при описании частей речи.

Еще больше это относится к новым типам анализа, которые могут быть связаны с когнитивным подходом, но могут считаться рожденными и за его пределами. Именно в силу этих причин мы полагаем, что развиваемый в монографии подход является когнитивным по своей общей ориентации, но не обязательно по своим историческим истокам и синхронным научным связям. Впрочем, мы разделяем мнение о том, что «понятие когниции может рассматриваться как всеобъемлющее понятие для всей лингвистической работы», ибо оно предполагает прежде всего знание языка как непрерывной когнитивной составляющей психики человека, ответственной за все языковое поведение говорящих, а, значит, и употребление языка [ср. Nuyts 1992: 5 и 13, 21–22]. Такая программа исследования, включающая задачи постижения языковой способности человека в широком смысле слова, представляется нам достаточно перспективной, но она, конечно, диктует выходы не только за рамки узкого когнитивизма, но и за пределы лингвистики как таковой. Это объясняет и то, почему читатель найдет в нашей книге не только немало ссылок на новые имена, но и на новые работы, написанные за пределами лингвистики и излагающие гипотезы о том, как происходит познание и членение мира, о том, как человек воспринимает и осмысляет окружающую его действительность, как он классифицирует свой опыт и как все это можно связать с языком. Возможно, что по этой причине книга покажется перегруженной нелингвистическими, казалось бы, данными, а также содержащей больше теоретических размышлений, нежели собственно эмпирического материала. Но без этого выдвигание новых взглядов на части речи и невозможно.

Мы полностью отдаем себе отчет в том, что все, предлагаемое в книге, — это только первые шаги на пути создания теории, и ее главная цель — это демонстрация того, как сложны ставящиеся здесь проблемы, каких грандиозных совместных усилий требуют они для их решения и от лингвистов, и от психологов, и от философов, и от логиков. Задача книги — показать возможные пути решения проблем, необходимость подхода к ним с разных позиций и — одновременно — перспективности того из них, который именуется сегодня когнитивным подходом и который привел нас к концепции частей речи, которую мы предпочитаем все же называть не когнитивной, а когнитивно-дискурсивной или же дискурсивно-когнитивной. Правомочность такого названия для общей характеристики частей речи мы связываем со следующими соображениями.

Современное состояние теоретической лингвистики характеризуется выдвиганием в ней двух главных парадигм научного знания — когнитивной и коммуникативной. У каждой из них уже сложилась собственная область исследования,

определились свои цели, выявились особые проблемы и модели их решений. В одной парадигме язык и его анализ связываются в основном с исследованием функции общения, в другой — когнитии. В одной основное внимание уделяется самой коммуникативной деятельности и влиянию на эту деятельность контекста ее осуществления, в другой — связи языка с познавательными процессами, со всеми способами получения, обработки, фиксации, хранения и т. п. информации о мире в их корреляции с языковыми формами. В то же время становится все более очевидным, что для решения целого ряда актуальных проблем современной лингвистики необходим своеобразный синтез указанных парадигм знания. Так, например, вне интеграции данных разных парадигм не может быть адекватно решена проблема понимания языка или проблема его порождения. Не меньшую значимость имеет объединение данных из двух парадигм знания и для освещения вопроса о сути частей речи [ср. Кубрякова 1991].

Ведь для характеристики каждого слова с синхронной точки зрения важно установить и то, какую когнитивную структуру (концепт или совокупность концептов) оно объективирует, и то, в какой функции может выступать оно в дискурсе и тексте. Если считать, что слова в своей совокупности разворачивают перед нами определенную картину мира, присутствующую в сознании говорящих и организующую его внутренний лексикон, то членение слов по определенным параметрам не может не отражать их функционального и содержательного своеобразия, и насущной проблемой анализа классификации слов становится вопрос о том, насколько скоррелированы между собой указанные параметры.

Уже на предыдущих этапах изучения частей речи вставал вопрос о том, с какими именно группировками имеет дело лингвист: с лексическими или грамматическими. Но чаще всего части речи именовали лексико-грамматическими классами. Предлагаая для частей речи термин когнитивно-дискурсивные категории, мы тоже хотим подчеркнуть, что они, как двуликий Янус, имеют две главных ипостаси, две разных стороны, два разных, но скоррелированных между собой аспекта в системе языка и что эти корреляции (частей речи и членов предложения, как сказали бы раньше) обладают более глубокими концептуальными основаниями, нежели то считали прежде. Сталкиваясь с частями речи, мы сталкиваемся с особым речемыслительным феноменом, и если в одной части термина мы хотим подчеркнуть связанность частей речи с психическими, ментальными и познавательными процессами и в первую очередь — с определенными содержательными структурами знания, то другой частью термина мы хотим отразить созданность подобных структур для их дальнейшего участия в актах коммуникации. В синтезе начал (когнитивного и коммуникативного) отражены, на наш взгляд, и те факторы, которые действовали в генезисе частей речи и которые считаются нами главными для характеристики всей языковой системы.

Если согласно общепринятой точке зрения на язык последний служит в первую очередь передаче информации, а такая передача осуществляется в процес-

сах коммуникации, когда некая информация становится предметом сообщения, понятно, почему сообщение (текст, дискурс) «должно иметь как когнитивные, так и коммуникативные свойства» [ср. Рамендик, Зонабенд, Клименко 1994: 88]. Категории и единицы, формирующие сообщение, тоже должны обладать и теми, и другими свойствами, причем эти свойства должны выступать как согласованные друг с другом. Как происходит такое согласование в языках разного типа и какую форму оно может принимать, мы и постараемся показать своей книгой.

Для обоснования этой точки зрения мы обращаемся далее к характеристике методологических и теоретических предпосылок настоящей работы. Как будет ясно из последующего изложения, мы связываем их и с возникновением когнитивной науки и такими ее ответвлениями как теория прототипов, теория восприятия и памяти, когнитивная грамматика и т. п., и с общей тенденцией к лексикализации грамматики, и общим прогрессом в понимании онтогенеза речи, и с развитием коммуникативно-функциональной лингвистики, и, наконец, с новыми веяниями в самом учении о частях речи.

Завершая наше Введение, мы бы хотели сделать еще одно замечание по поводу задач настоящего исследования и его ориентации. С начала 70-х гг. мы все, работавшие в секторе общего языкознания Института языкознания Академии наук, а также многие наши ученики были увлечены разработкой теории номинации и соответствующего ей ономаσιологического направления в анализе языка. В центре наших исследовательских интересов находились тогда проблемы наречения мира и номинативной функции языка, номинативные аспекты главных языковых единиц и всей речевой деятельности, особенности актов номинации, осуществлявшихся с помощью разных средств и систем, обеспечивающих номинативную деятельность в языке в целом, и т. п. В этом русле были выполнены и многие работы, освещавшие смысл и технику осуществления словообразовательных процессов, а также уточнявшие представления о семантике производного слова (см., например, [Кубрякова 1981]). В этом же русле, наконец, находилась и книга о частях речи [Кубрякова 1978].

Вопрос о сущности частей речи решался здесь как вопрос о том ноэтическом пространстве, которое покрывалось отдельными частями речи и которое, формируя особые участки в языковой картине мира, создавалось в основном за счет единиц вторичной номинации, за счет словообразовательных процессов. Рассматривая категориальный аспект этих процессов и возникающие в результате этих процессов сложно структурированные единицы номинации, мы стремились описать стоящие за ними ономаσιологические структуры, выдвигая тезис о том, что части речи можно считать проекциями в мир языка разных по своей сути или по их восприятию человеком объектов действительности [Кубрякова 1978: 4].

Лишь позднее многие из нас осознали, что с современной точки зрения ономаσιологическое направление само должно рассматриваться как достаточно ранняя версия когнитивизма (см., например, [Жаботинская 1992: 5 и 34–35]),

имевшая свои яркие отличительные черты хотя бы в том отношении, что этому направлению была чужда оторванность от актов коммуникации и их смысловых заданий, их прагматических установок, тесной связи, прослеживающейся в этих актах когниции и эмоций и т. д. Отгалкиваясь во многом от сложившегося тогда понимания теории номинации, мы смогли органично перейти в своих последующих исследованиях к анализу более широкой проблемы — роли человеческого фактора в языке и, думается, так же естественно сочетать в этих исследованиях когнитивную ориентацию анализа с коммуникативной. Лингвистический анализ в этих работах, как легко видеть в серии о роли человеческого фактора в языке, интегрировал семантику и ономастиологию, семантику и прагматику, создавая в итоге определенный сплав когнитивного и коммуникативного подходов.

Продолжая эту линию исследования, мы полностью осознаем, что часть поставленных тогда проблем нуждается, возможно, в более точных формулировках, а некоторые из выводов сегодня могли бы быть сформулированными в иных терминах. И все же то, что будет изложено в данной книге, не могло бы быть созданным, не будь этих ранних публикаций, и, кажется, ничто им и не противоречит. Ведь номинативные процессы изучались нами как речемыслительные, акты номинации никак не противопоставлялись актам предикации, а номинативная деятельность определялась как непрменный компонент речевой деятельности в целом, требующей для своего осуществления не только определенных мыслительных операций (сравнения, отождествления, соединения и разъединения понятий и т. п.), но также определенных знаний и оценок, установок и целеполагания, осмысления ситуации речи и ее участников, учета социальных и ролевых характеристик партнеров по коммуникативному акту и т. п. Все это позволило уже тогда сформулировать основания ономастиологического подхода при изучении частей речи, когнитивно осмысленный вариант которого мы предлагаем в данной книге. Более конкретным связям теории номинации и когнитивизма мы поэтому и посвятим далее специальный раздел.

«Наименование предмета, — писал Б. А. Серебренников, — совершенно немислимо без предварительного, хотя бы самого элементарного, знания данного предмета» [Серебренников 1983: 103]. Вопрос о том, какие именно знания подводятся под крышу одного знака и под крышу знаков разного типа, неоднократно поднимался в наших работах. Сегодня он определяет центральную проблему настоящей книги — вопрос о том, какие структуры знания стоят за словами разных классов, в каких процессах познания и восприятия мира получены эти знания и в какой форме, в каком субстрате отражены они в нашей голове, какие фрагменты мира выделены и осмыслены человеком и как именно языковые обозначения свидетельствуют об этом процессе, и, наконец, как все это связано с существованием и функционированием таких разрядов слов, какими являются части речи.

Дальнейшее изложение в разделе строится по следующему плану. В **первой** его **части** освещаются теоретические предпосылки исследования, для чего рас-

сматривается сущность когнитивной науки и ее связи с теорией номинации, принципы восприятия мира и его членения и, наконец, современные взгляды на понятие категории и категоризации человеческого опыта вообще и лингвистического материала, в частности. Во всех этих главах основной акцент делается на уточнение тех понятий, которые участвуют в характеристике частей речи, т. е. понятия слова и языкового знака, значения и обозначения, категории и принципов ее развития. Но, естественно, наибольшее внимание уделяется здесь самому когнитивному подходу и разъяснению того, что же представляет собой когнитивный взгляд на вещи и такие связанные с ним концепты, как структура знания и структура представления, или репрезентации знания, когнитивные способности человека и особенности тех когнитивных систем, которые участвуют в восприятии мира и отражении воспринятого и осмысленного в языковых знаках.

Истории изучения частей речи, классификации существующих направлений в их исследовании — урокам прошлого — посвящается **вторая часть** раздела. И если в первой ее главе мы стараемся выбрать из работ наших предшественников все рациональное, все оправданное эмпирическими данными о частях речи и особенно подчеркнуть роль представителей отечественного языкознания, то во второй и третьей главах этой части мы стремимся осветить работы (теоретические и практические) последних двух десятилетий и более подробно охарактеризовать то, что менее известно нашему читателю. С этой целью мы выделяем в особую главу вопрос о частях речи в генеративной и эмерджентной грамматиках. Вместе с тем эта часть, озаглавленная нами «Материалы к новой теории частей речи», предполагает не только обращение к прошлому. Мы как бы отбираем в этой части монографии все то, что может и сегодня войти в учение о частях речи. Это, собственно, и позволило нам включить в состав этой части еще одну главу, в которой мы высказываем общие соображения о системе частей речи и новой методике ее изучения.

Наконец, в **третьей части** раздела, освещающей анализ частей речи как дискурсивно-когнитивных образований, образующих классы слов, которые существуют и функционируют в языке в качестве естественной прототипической категории, мы пытаемся обосновать более подробно новую интерпретацию частей речи, т. е. применить по отношению к ним те теоретические и методологические подходы, которые были рассмотрены выше. Мы специально аргументируем положение о том, что семантика и функции словообразовательных процессов должны рассматриваться как особый источник сведений о когнитивных основаниях частей речи, нередко недооценивавшийся в работах наших предшественников и не получивший еще вообще должного освещения в исследованиях о частях речи. Предлагая когнитивную интерпретацию частей речи, мы включаем в нее и представление о дискурсивных особенностях отдельных знаменательных частей речи и о прототипических их характеристиках, а также некоторые данные об организации самой системы частей речи.